

Александр Валентинович Амфитеатров

Иван Купало

Александр Валентинович Амфитеатров

Иван Купало

Аннотация

«Школ мифологических много. Но, несмотря на принципиальную разность своих опорных точек, едва ли не все они сходятся в мнении, что народный русский праздник Ивана Купалы, справляемый нашим отечеством повсеместно, „от финских хладных скал до пламенной Колхиды“, 23-го июня, в канун церковного праздника Рождества Иоанна Крестителя, представляет всю совокупностью своих обычаев и обрядов „культурное переживание“ древле-языческого торжества в честь летнего солнцестояния, то есть середины лета, самых долгих и тёплых дней в году и затем поворота солнца на осень...»

Александр Амфитеатров

Иван Купало

Школ мифологических много. Но, несмотря на принципиальную разность своих опорных точек, едва ли не все они сходятся в мнении, что народный русский праздник Ивана Купалы, справляемый нашим отечеством повсеместно, «от финских хладных скал до пламенной Колхиды», 23-го июня, в канун церковного праздника Рождества Иоанна Крестителя, представляет всю совокупностью своих обычаев и обрядов «культурное переживание» древле-языческого торжества в честь летнего солнцестояния, то есть середины лета, самых долгих и тёплых дней в году и затем поворота солнца на осень. Так как праздник таинственной ночи 23–24 июня существует у всех народов арийского происхождения, а отчасти и у семитов, то сказанное вековое значение Купалы легко выясняется, даже помимо исторических указаний и мифологических соображений, простым сравнением названий торжества, в разных землях, у разных племён. Здесь достаточно будет привести самое типическое из них, шведское: *midsomer*, – буквально, середина лета. Вадим Пассек делал попытку перевести подобным же образом и наше русское наименование Купалы. Слово *копа*, говорит он, обозначает в иных случаях половину; по-малороссийски *копа* – полтина, т. е. половина рубля, *коповик* – полтинник; а от *копы* до Ку-

пала переход близкий. Филологическая натяжка эта – не без остроумия и, во всяком случае не более невероятна, чем другие, с которыми придётся мне познакомить читателя ниже.

Излишне распространяться о тесной связи арийских религий с годовым кругом солнца: она общеизвестна. Календарь арийского язычества – полная история солнечного года. Древний Рим чествовал рождение солнца, смерть его, воскресение, оба годовые равноденствия, – и зимнее, и летнее. Около 273 г. император Аврелиан специальным эдиктом узаконил старинный праздник зимнего солнцестояния, совершавшийся 25-го декабря (VIII Kal. jan.) в связи с чествованием Мифры, под именем *Dies Natalis Solis invicti*, Рождество непобедимого Солнца. Шесть месяцев спустя, 23-го июня, европейский мир, целиком укладывавшийся тогда в пределы Римской империи, торжествовал день полной возмужалости солнца, так сказать, его совершеннолетие. Реформируя языческий календарь, победоносная христианская церковь сочла полезным удержать оба дня в своём обиходе. Свершилось это заимствование в IV веке, в лоне западной церкви, – без всякого, сколько-нибудь достоверного исторического основания, зато с полной символическою последовательностью. Торжество рождения зримого солнца, с которого начинали расти дни и сокращаться ночи заменилось Рождеством Солнца Правды, причём католический тропарь праздника сохранил даже древнюю метафору о новом солнце: *Sol novus oritur!* Торжество летнего равноденствия, с

которого начинали сокращаться дни и расти ночи, было посвящено Иоанну Крестителю, в силу буквального смысла его собственных слов в евангельском тексте: «Ему расти, а мне умяляться». (Э. Б. Тейлор, «Первобытная культура»). В со-общённой Ф. И. Буслаевым повести XVII века «О девицах смоленских, како игры творили» мы находим описание купальского праздника в высшей степени любопытное по наивному смешению языческого элемента с христианским. «Было от города Смоленска за 30 вёрст по Черниговской дороге – случилось быть на великом поле бесстыдному беснованию. Множество дев и жён стеклись на бесовское сборище, нелепое и скверное, в ночь, в которую родился Пресветлое Солнце – великий Иоанн Креститель, первый покаянию проповедник, его же ради вся тварь неизречённо возрадовалась. А эти окаянные бесом научены были». Автор повести простодушно не заметил, как, восставая на обряд идольский, он целиком взял именно из обряда этого эпитет «пресветлого солнца», составляющий главную суть языческого праздника, и – ничтоже сумняшеся – приложил к христианскому святому.

Чтобы свободнее распоряжаться с мифологическим материалом, имеющимся по вопросу о Купале, я сперва устраняю из него легенды и предания христианского происхождения, как не основные, но лишь применённые к первоначальному мифу, позднее наносные. Прежде всего, к христианскому влиянию, конечно, относится присоединение к «Купалу»

имени «Иван», неразрывно с ним во всех русских краях связанного; останавливаться на этом имени опять-таки нечего, ибо его достаточно уясняет соседство солнечного праздника с рождением Крестителя. В Малороссии набожные люди уверяют, что Купалу празднуют в память Иродиады, – как она усекла главу Иоанна Крестителя, бросила её в воду и пела:

Купала на Ивана!
Купався Иван,
Та в воду упав!
Купала на Ивана!

Иродиаду зовут они злою черепицею, а празднующих Купалу её последователями и угодниками. Толкователи-эвгемеристы, в стремлениях подыскать мифу непременно историческое объяснение, желали видеть в водных и огненных обрядах Ивановой ночи воспоминание о крушении язычества на Руси, когда пали кумиры, и Владимир велел иные разбить, иные передать огню, а Перуна и в Киеве, и в Новгороде бросил в воду. Пассек, в увлечении такою теориею, ставит даже гипотезу: не есть ли несчастная Ганна, о ком уныло поют некоторые малороссийские купальные песни, Ганна, «приехавшая из-за Дуная», – Анна, жена князя Владимира, греческая царевна, свидетельница разрушения идолопоклонства и введения христианской религии? Привожу эту ссылку, разумеется, лишь как курьёз. С помощью эвгемери-

ческой теории, в области народных мифов можно доказать какие угодно фантастические сближения, указания и намёки. Отчего, например, не утверждать, даже и такую нелепость, что 23-е июня празднуется народом в память Агриппины Младшей, матери Нерона? Как ни дико, а доказать возможно... День этот посвящён церковью памяти св. Агриппины: сближение имён. В простонародье день св. Агриппины слывёт под названием Аграфены-Купальницы: не ясный ли этот намёк на знаменитое покушение против Агриппины, когда Нерон хотел утопить свою родительницу в Неаполитанском заливе, но только выкупал? И, если мы вспомним, что в купальские обряды входит обыкновение топить в реке женскую куклу, то эвгемерическая аллегория готова! Как дважды два четыре доказано, что Аграфена-Купальница была римская императрица, популярность которой достигла, даже через восемнадцать веков, до полтавских хохлов и заставила их ежегодно оплакивать трагическую судьбу её. А затем, – поглядим с читателем друг другу в глаза и рассмеёмся, как авгуры!

Отрицая эвгемерические преувеличения, тем не менее нельзя не признать, что некоторый намёк на христианское крещение сохранился в суевериях Ивановой ночи. В Новгородской губернии купальский праздник называется Кокуем. Вероятно, название это имело когда-то большое распространение, так как и в Новгородской губернии, и в других местностях России и в Сибири разбросаны многочисленные се-

ления и урочища, носящие имя Кокуя. Так как купальский костёр у финнов, также справляющих Иванову ночь, называется Кокко, то Снегирев выводил Кокуй из этого – финского речения. Откуда бы ни было заимствовано название, характерно, что в местном говоре тех же губерний, где оно распространено, например в Костромской, – кокай и кока обозначают крёстного отца и мать. Взаимодействие в воображении древнего славянина идей о Купале и о Крестителе, который «купал» во Иордане приходивших к нему покаянников, несомненно помогло празднику дойти из глубочайшей древности языческой через многие христианские века до нашего времени. Сосуд для обряда крещения, по-русски именуется купелью, т. е. в чём купают; а Евангелие зовёт купельями также пруды и целебные источники: Овчая купель, купель Силоманская. Креститель стал Купалой, по той же ассоциации идей, по той же многозначительной мифологической игре слов, по которой русский мужик начинает сеять хлеб на Бориса и Глеба (2 мая), собирает мак на Макавеев (1 августа) и не работает в день обновления Цареграда (11 мая) из опасения чтобы царь-град, за непочтение к его празднику, не выбил посеянного на полях хлеба. Такие сближения испытывает не один наш, но и католический календарь. Запад считает патроном стрелков св. Себастиана, потому что он был расстрелян стрелами, св. Вита – целителем сумасшествия и нервной болезни, носящей его имя, и чтит св. Фиакра, чьё имя, с XVII века, носят извозчичьи экипажи, постав-

ленные под его покровительство. Что касается до исторических указаний и легенд о столкновении, якобы, христианства с культом Купалы, то, в огромном большинстве, они – позднейшего происхождения и должны быть отнесены к разряду тех мифов, которые Тейлор называет философскими, то есть созданных искусственно, по гадательному предположению, с целью объяснить имя, поверье, событие, что за давностью времени или по скудости сведений о них, утратили значение, обесмыслились. В Переяславле Залесском есть древняя икона Владимирской Божией Матери, слывающая в народе Купальницею. Легенда объясняет это название нижеследующим мифом искусственного книжного происхождения. В Переяславле народ поклоняется, будто бы, идолу Купалу. Когда Владимир внёс христианскую веру, переяславцы хотели всё-таки продолжать своё языческое поклонение. Но Владимир прислал к ним икону Пресвятой Богоматери и тем удалил их от кумира. Потому и празднуют ей накануне того дня, как праздновали Купалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.